

Цзинь Шиань встревожился:

— Вовсе нет, дедушка, ты всё слишком радужно видишь! Рано или поздно японцы вторгнутся сюда, в Нанкине действительно опасно. Давай лучше уедем в безопасное место?

Не успел он договорить, как в колено тут же прилетел удар тростью. Цзинь Чжунмин вытаращил глаза и рявкнул:

— Что за бред ты несёшь?! Это же столица нашей страны! Неужели у этих японцев из какой-то карликовой страны по три головы и по шесть рук?!

Цзинь Шиань, схватившись за ушибленное колено, скривился:

— Дедушка, я же серьезно говорю, не стоит недооценивать японцев... Ой, не бей! Я говорю: допустим, просто допустим, что японцы ворвутся в Нанкин — неужели мы должны просто сидеть здесь и ждать смерти?

Вспылив от гнева, Цзинь Чжунмин принялся без разбора колотить краснодеревянной тростью прямо по лицу внука:

— Негодяй! Если уж враг подойдет к городским стенам, а все будут так же трястись за свои шкуры, как ты, то какая же тогда надежда останется у страны?! Я всегда замечал лишь твои странности, но с чего ты вдруг и мужество своё проболел?!

Спасаясь от ударов деда, Цзинь Шиань закричал, зажав голову руками, и принялся нарезать круги вокруг дерева:

— Я виноват! Виноват! Не переживай ты так, старик!

Лицо Цзинь Чжунмина посинело от злости, он тяжело задышал. Цзинь Шиань в испуге усадил деда на каменный табурет:

— Дедушка, я же просто к слову сказал, зачем так сильно сердиться?

Цзинь Чжунмин стукнул о землю тростью:

— Даже в шутку не смей распускать нюни! Чему я учил тебя с детства? В водовороте славы и наживы неизбежны интриги и обман, но в великих делах грань между чистым и грязным должна быть ясна как день! Нельзя уподобляться подлецам, навлекая на себя проклятия потомков.

Цзинь Шианю было нечего возразить, оставалось лишь кивать как цыплёнок, клюющий зерно. В душе у него бушевало целое стадо лам-альпак: он-то думал, что у людей в старом обществе вовсе нет классового сознания, а оказалось, что в клане Цзинь все от мала до велика исполнены высочайшего патриотизма, и лишь он один выглядит ничтожным трусом.

Лу Шеня критикует, дед тоже критикует — молодой господин Цзинь был крайне недоволен, его авторитет оказался втопан в грязь, и он с досады выпалил:

— Какой же я подлец? Если эти черти полезут внутрь, я пойду бить их первым! Я же переживаю за тебя, дедушка!

Цзинь Чжунмин рассвирепел:

— Да кто ты такой?! Еще столько закаленных в боях генералов и элитных войск с места не сдвинулись — до тебя ли очередь дойдет на передовой воевать?! Безмозглый сопляк! — С этими словами он снова отвесил подзатыльник внуку. — Вон отсюда! Видеть тебя не могу, посмотри только, на кого ты стал похож!

Старик буквально вытолкал Цзинь Шианя во двор. Слуги в особняке Цзинь едва сдерживали улыбки, а управляющий Ци Суньи почтительно шагнул навстречу, давась смешком:

— Старый господин приболел, нрав у него нынче тяжелый. Молодому господину стоит почаще навещать его, и всё наладится.

Цзинь Шиань и сам невольно усмехнулся: при всей своей грубости он понимал, что дед действительно защищает его — бить-то бил, ругать-то ругал, но стоило ему заявить о намерении отправиться в армию, как Цзинь Чжунмин тут же испугался за него.

Он в нерешительности замер под лучами солнца. Деда уговорить не удалось, Лу Шеня — тоже, все вокруг считают, что он несет чушь. И что теперь делать?

Однако политическая обстановка в смутные времена не позволила Цзинь Шианю долго ломать голову. В сентябре известия с фронта непрерывным потоком бомбардировали человеческий слух, и на каждой улице, в каждом переулке доносились крики разносчиков газет:

— Фэн Юйсян получил приказ покарать ЦК! — и тут же затягивали другое: — Генералиссимус лично прибыл в Наньчан руководить сражением!

Враг еще не отражен, а страна всё еще расколота. Гуанчжоуское национальное правительство объявило карательный поход против Цан Кайши, и Фэн Юйсян, и Янь Сишань, и Хань Фуцзюй оказались в этом списке. Чан Кайши лично отправился на юг, напряжение между сторонами достигло предела, и все гадали, не сменится ли портрет вождя на стене в фотоателье на чье-нибудь чужое лицо.

Всего восемнадцать дней спустя с Северо-Востока пришло известие: японские войска вторглись за Великую стену, захватили Фэнтянь и Чанчунь, а Чжан Сюэлян отвел свои части. В последующие три месяца японцы почти без сопротивления молниеносно оккупировали всю Северо-Восточную провинцию.

Это был потрясший весь мир «инцидент 18 сентября».

Надвинулась национальная беда, сердца людей трепетали от страха. Цзинь Шиань знал про восемнадцатое сентября, но никак не ожидал, что оно нагрянет так быстро. Даже в двадцать первом веке в Новом Китае каждый год восемнадцатого сентября по всей стране воют сирены, предостерегая соотечественников не забывать о национальном позоре. Он слушал эти сирены почти тридцать лет, и они не вызывали у него особых эмоций. Как и у части молодежи новой эпохи, для них «18 сентября» было лишь датой в календаре, а что именно она знала — оставалось слишком далеко от их реальности.

Но теперь он по-настоящему прочувствовал всю жгучую боль национального позора.

Лу Шень же смотрел на него с искренним восхищением:

— Братец, раньше я был слеп и глух, но на этот раз я верю тебе.

Цзинь Шиань не испытывал ни малейшей радости от того, что его предсказание сбылось. В отличие от главных героев легких веб-романов, он заранее знал, что случилось неизбежное, но был совершенно бессилён перед лицом надвигающегося мрачного будущего.

Видя его омраченное лицо, Лу Шень тоже вздохнул:

— Как жаль те плодородные земли Северо-Востока, что в один миг пали под вражеским сапогом. Не знаю, когда еще удастся их вернуть.

Всю зиму все только и говорили, что о боях на Северо-Востоке. Каждый с надеждой ждал, что молодой маршал Чжан отомстит за отца и разыграет великую патриотическую драму сыновнего долга. Даже в театре Дзюэтай перестали давать Пионовый беседок и Дворец вечной жизни, переключившись на пекинские оперы: яркие воительницы в перьях и цветастые героини цзин грохотали под светом софитов, являя на сцене беззаветную верность родине и защищая страну в высоких звонких тонах.

К всеобщему удивлению, бои на Северо-Востоке едва ли можно было назвать сражениями. Молодой маршал отказался от сопротивления и отступал всю дорогу, тогда как японская армия шла вперед как нож сквозь масло. Каждый день на улицах и перекрестках пожилые мужчины и парни сокрушенно хлопали себя по бедрам, вопрошая друг друга, докуда уже дошли японцы, и недоумевая, как Квантунская армия могла проиграть каким-то макакам.

Молодой маршал наконец сдвинулся с места, завязался бой — только вовсе не против японцев, а против советских людей. Никто не понимал, почему так происходит; люди знали лишь одно: Северо-Восток потерян, по-настоящему потерян, и теперь эта земля называется Маньчжоу-го.

Великий национальный позор, о котором и сказать-то нечего.

Заветы предков гласят, что в войне ценна скорость, а побеждают хитроумные планы — однако все эти стратегии воплощали в жизнь вовсе не китайские войска, а японские захватчики, использовавшие их с пугающим мастерством. Из-за инцидента 18 сентября Чан Кайши ушел в отставку, взяв на себя вину, но это ничуть не умирало гнев народа. Сын Сунь Ятсена, Сунь Кэ, занял пост председателя Исполнительного юаня.

Все прекрасно понимали, что он всего лишь марионетка.

Зима выдалась безрадостной. Северо-Восток пал так тихо и незаметно, и оказалось, что утрата родной земли — это до боли просто.

У каждого был свой взгляд на происходящее, но купцы, сновавшие по всей стране, обладали особым, тонким чутьем. Чжоу Юй сообщил Цзинь Шианю, что Цинь Е тайком скупает припасы, а затем рассмеялся:

— Этот старый бесстыдник снова мечтает нажиться на войне! Застава всё же отделяет Гуандун, неужели он всерьез рассчитывает, что японцы дойдут прямо сюда?

В этом рассуждении явно не хватало дальновидности: житница Северо-Востока оказалась в чужих руках, в прошлом году в бассейне рек Янцзы и Хуайхэ бушевали наводнения, и грядущей весной перед новым урожаем цены на зерно неизбежно взлетят. Если Цинь Е спохватился только сейчас, то он уже опоздал.

Конечно, наживаться на дефиците и перепродавать втридорога — дело неблагородное, но все пользовались тем, что старому Чжану было не до этого из-за войны, и тайком сколачивали огромные состояния.

Издревле богатство и знатность ищут в опасных местах, на лезвие меча всегда падает кровь и золото. Цинь Е, очевидно, принадлежал к тем людям, кто жаждал богатства: ни сыновей, ни дочерей в Нанкине у него не было, чего ему бояться в одиночку?

Чжоу Юй усмехнулся:

— Наш старый господин сидит тихо и не высовывается, а Цинь Е вообразил, будто ухватил бога за бороду! Посмотрим, как он лопухнется, когда весь этот товар останется у него на руках, вот смеху-то будет!

Услышав это, Цзинь Шиань почувствовал себя еще хуже. Возражать он не стал, лишь кивнул:

— Это всё чужие дела, дядя Чжоу. Скоро Новый год, мы будем встречать его вместе с дедушкой или закроемся у себя?

— В прошлые годы, если не было срочных дел, всегда ездили к старому господину.

— А Лу Шень?

— Мы останемся с молодым господином Баем, а вы, молодой господин, поезжайте домой.

Лу Шень, упоминая семью Цзинь, всегда говорил наше семейство, однако для Цзинь Чжунмина этот актер никогда не станет своим человеком, и это сильно удручало Цзинь Шианя. В своей прежней жизни он не знал особого семейного тепла, но здесь, после перемещения, обрел редкую и искреннюю привязанность. Ему хотелось, чтобы Цзинь Чжунмин отбросил предрассудки и принял Бай Лушэня точно так же, как принял Лю Янь и Чжоу Юя. В клане Цзинь еды на всех хватит, так почему же актерское прошлое должно накладывать вечное клеймо позора?

Цзинь Шиань не хотел, чтобы при бегстве в Гонконг одна фраза Цзинь Чжунмина оставила Лу Шэня в Нанкине. Если уж на то пошло, дедушку тащила за собой их парочка, и деду стоило бы наконец понять, кто здесь тащит команду на горбу, а кто просто отсиживается.

Приближался конец года, нужно было готовиться к празднику Лаба и Празднику весны. Маленький дворик усадьбы Бай наполнился новогодней атмосферой: матушка Лю командовала служанками и наемными работницами, занимаясь уборкой комнат и заготовкой вяленой птицы. Лу Шень славился мастеровитыми руками и вместе с Цзинь Шианем вырезал из бумаги сценки для кукольного театра: Лу Шень нарезал множество традиционных узоров с пожеланиями счастья, а Цзинь Шиань сотворил загадочного, совершенно потерявшего форму Ультрамена.

Один за другим бумажные узоры украсили двери и окна в молитвах о мире и процветании в наступающем году.

— У кого ты этому научился? Так красиво вырезаешь. Родись ты на восемьдесят лет раньше, только этим бы и зарабатывал на жизнь.

Лу Шень чуть заметно улыбнулся:

— Когда-то в труппе Чуньхуа научился у помощницы по кухне, она была родом с Северо-Востока.

При упоминании Северо-Востока оба невольно помрачнели.

Обсудив всё дома в течение нескольких дней, они решили, что Цзинь Шианя следует отправить домой на праздники. Во-первых, перед Новым годом полагалось сверять счета, и поездка давала возможность поучиться делу; во-вторых, в условиях меняющейся политической ситуации самое время подтолкнуть старика к нужному решению. Идет война, и если пожертвовать оружие сейчас, это не только принесет пользу стране, но и создаст прекрасную репутацию.

Сунь Кэ только пришел к власти и отчаянно нуждался в поддержке со стороны, так что он не стал бы сейчас выискивать поводы для ненужных придирок.

Заодно можно будет окольными путями замолвить словечко насчет Нового года.

— Старик человек крутого нрава, боюсь, без лишних слов он сам все решит по-своему, — с улыбкой сказал Лу Шень. — Сходи, сделай доброе дело, покажи деду, что ты не такой уж неразумный.

Цзинь Шиань рассмеялся от его слов и машинально ущипнул его за щеку:

— Умница, жди меня дома. Пойду побуду с дедушкой.

Цзинь Шиань вернулся домой, чтобы встретить праздник Лаба вместе с Цзинь Чжунмином, надеясь задобрить его и хоть немного укрепить свое положение в семье.

Старый Чэнь забрал его, и едва машина подъехала к воротам особняка Цзинь, как мимо них бесшумно проскользнул большой «Форд».

Старый Чэнь пристально посмотрел вслед автомобилю.

— В чем дело, дядя Чэнь?

— Это машина Ши Ина.

— Кто такой Ши Ин?

Старый Чэнь взглянул на него:

— Новый мэр Нанкина, который вот-вот вступит в должность. С чего бы ему являться в наш дом именно сейчас?

Кто знает? Цзинь Шиань даже обрадовался: раз новый мэр сам навещает его деда, значит, верхушка начинает благосклонно смотреть на их семью. Он похлопал старика по плечу:

— Пришел взятку требовать перед Новым годом! Эх, дядя Чэнь, поехали внутрь, я весь продрог.

Эта фраза повесила знатный ярлык на честнейшего мэра Ши Ина. Восемьдесят лет спустя люди отзывались о нем как о кристально чистом и неподкупном человеке, но товарищ Цзинь Шиань, привыкший к повсеместному взяточничеству, даже не задумался об этом и, выбравшись из машины, нырнул в теплую гостиную.

Просидев дома несколько дней, он только и делал, что ел да развлекался. Развлечения тоже были незамысловатыми: ставил старые грампластинки, чтобы пустить пыль в глаза, и какая-то певица с надрывным грубым голосом выводила из динамиков:

— Ты же, ты же моё сокровище~~

Цзинь Шианя передернуло от мурашек, и он подумал, что поет она куда хуже, чем разговаривает Лу Шень.

Он искал удобный момент, чтобы поговорить по душам с Цзинь Чжунмином, но эта старая лиса явно раскусила его намерения и упорно уходила от темы, вместо этого расспрашивая про то самое вторжение японцев, о котором внук упоминал ранее.

— Я думал, ты тогда просто мелешь языком, а оказывается, они и впрямь вовсю воют, — сокрушенно вздохнул Цзинь Чжунмин. — Зря я был высокого мнения о Чжан Сюэляне! У тигра родился щенок-неумеха, позор! Какой позор!

Цзинь Шианю ничего не оставалось, как поддержать разговор:

— Я слышал, Цинь Е скупает припасы. Дядя Чжоу смеется над ним, говорит, он видит сны наяву.

Лицо Цзинь Чжунмина заметно помрачнело:

— Я сам начал скупать зерно еще в прошлом году, а он просто увидел, как делаю я, и решил повторить.

Сцена выдалась крайне неловкой: молодой господин Цзинь публично сел в лужу.

Кто бы мог подумать, что Цзинь Чжунмин из тех людей, которые при первой же угрозе национальной безопасности первыми бросаются скупать товары! Цзинь Шианя так приперли к стенке, что все слова застряли в горле, и он молча уставился в чашку с чаем.

Чай тоже оказался невкусным — зеленый, какой-то любимый дедушкой «Тайпин Хокуй». С тех пор как он попал в этот мир, он толком и чаю с молоком не пил; матушка Лю несколько раз

пыталась приготовить, но Цзинь Шианю не нравилось, слишком сильно отдавало заваркой. Его собственные вкусы были куда проще — он обожал массовую культуру и дешевые подделки, и когда матушка Лю с трудом выведала настоящий рецепт английского чая с молоком в особняке «Централь», пить эту бурду ему расхотелось еще сильнее.

Заметив его молчание, Цзинь Чжунмин нахмурился:

— Что такое, ты не согласен? Пришли завтра Чжоу Юя отбыть наказание за то, что учит тебя всякой дурости.

Цзинь Шианю стало еще тоскливее:

— Нет-нет, я просто думал уговорить вас воспользоваться моментом и задобрить нового начальника... Впрочем, забудьте.

Раз уж Цзинь Чжунмин сам вовсю спекулирует зерном, то надеяться, что он пожертвует оружие, точно не стоило. Брось это дело, мысленно выругался Цзинь Шиань: каждый мастерски разглагольствует о патриотизме, но в критический момент любовь к родине неизменно проигрывает звонкой монете.

Чем больше он думал об этом, тем сильнее злился. О Лу Шене он больше не заикался, швырнул чашку на стол и вихрем взлетел на второй этаж. Цзинь Чжунмин остался в малой гостиной, гневно бушуя вслед:

— Негодяй! Уйти вот так посреди разговора — где же твои манеры?!

Цзинь Шиань был глубоко разочарован. Он-то думал, что дед снаружи твердый, а внутри мягкий, но оказалось, что он просто фальшив и лицемерен. Весь особняк Цзинь вызывал у него омерзение и отвращение. Разъяренный парень расхаживал из угла в угол по комнате, коря себя за то, что повел себя как полный дурак, переживая из-за пустяков в этом проклятом старом обществе — ты тут распинаешься о надвигающейся буре, а у них еще остается уйма свободного времени на спекуляцию зерном и рисом!

Маркс был прав: ради пятидесяти процентов прибыли капитал готов пойти на любое преступление, а при наличии ста процентов он начисто теряет стыд.

Но на этом подлость Цзинь Чжунмина вовсе не заканчивалась.

Праздник Лаба в особняке Цзинь отмечался с поистине грандиозным размахом: никакие бедствия мира не могли докатиться до этих мест. Кашу варили двух видов — простонародную и густую кашу из птичьих гнезд на мелких глиняных жаровнях для старших. Молодому господину полагалось есть простую кашу из общего котла — считалось, что это приносит долголетие и удачу. Большой круглый стол в столовой ломился от угощений, и не только из

восьми видов яств: каждый мог выбрать то, что по душе, и добавить в свою чашку, а слуги трапезничали вместе со всеми — тоже на счастье и долгие годы.

Цзинь Шиань ел абсолютно без аппетита, зато старый господин пребывал в прекрасном расположении духа — он подогрел вино и попивал его в одиночестве.

Дед и внук сидели по разным углам, соблюдая правило не говорить во время еды, а слуги молча давились пищей, не смея издать ни звука.

Взглянув на часы, показывающие девять с лишним вечера, Цзинь Шиань поднялся, собираясь уходить — в этот момент он с удивительной отчетливостью подумал о Лу Шене. Однако Цзинь Чжунмин знаком велел преградить ему путь:

— Среди ночи собрался куда?

Молодой господин упрямо вскинул подбородок и промолчал. Он боялся сболтнуть лишнего, опасаясь, что Цзинь Чжунмин снова набросится на Лу Шеня.

Не став добиваться ответа, дед чуть кивнул кому-то в сторону дверей, и в комнату тут же провели двух девочек в ярких красно-зеленых нарядах.

— Купил в Уху, — бросил Цзинь Чжунмин. — Обе из хороших семей, беднячки, зато знают, как позаботиться о человеке в холод и в жару.

Цзинь Шиань ошеломленно уставился на девочек: им было всего по десятку с небольшим лет, и от всего их хрупкого вида веяло нищетой и недокормленностью. Обе робко потупились, но, внезапно поймав на себе пронзительный взгляд старого господина, испуганно вскинули головы и выдавили из себя как можно более кокетливые улыбки.

— Сегодня ты никуда не уйдешь, пора обзаводиться семьей. Я не ищу знатных родственников связей, так что эти две отныне будут твоими наложницами.

Цзинь Шиань остолбенел по-настоящему.

Девочки густо покраснели и замерли на месте, не смея произнести ни звука. Цзинь Чжунмин скомандовал:

— Подойдите, поприветствуйте вашего господина.

Та, что в красном, тут же опустилась на колени и поклонилась в землю:

— Приветствую молодого господина, меня зовут Чуньсин.

Девочка в зеленом последовала ее примеру:

— Приветствую молодого господина, меня зовут Чуньлань.

— ...

В глубине души Цзинь Шианя бушевало не просто стадо, а целый армейский корпус лам-альпак. Он, конечно, любил красивых девушек, но деревенская романтика была совсем не в его вкусе! Он вовсе не педофил, и подобные забытые создания с отсутствием каких-либо женских форм казались ему до боли жалкими и чужими.

На мгновение в его голове короткнуло, и он даже вспомнил Лу Шеня — у того, пожалуй, тоже не было ни груди, ни бедер.

Нет, погодите! Да даже если бы ему прямо сейчас подсунули Фань Бинбин, он бы и на нее не посмотрел! Когда это вседозволенность президента Цзинь доходила до того, чтобы кто-то насильно навязывал ему женщин?

Цзинь Шианя откровенно затошнило. Не говоря ни слова, он оттолкнул двух несовершеннолетних наложниц и широким шагом двинулся к выходу.

Но куда там! Цзинь Чжунмин рявкнул:

— Запереть его в комнате! Если через три месяца у обеих девчонок не округлятся животы — я с вас шкуру спущу!

Всех троих, словно кроликов для размножения, с толкача и тычками впихнули в новое помещение. И комната действительно оказалась брачной: поначалу Цзинь Шиань удивлялся, с чего бы это посреди зимы его комнату затянули во всем алом и праздничном, а оказывается, дедушка заранее приготовил для него ложе для первой брачной ночи!

Дверь защелкнулась снаружи. Он дернул за ручку — заперто.

Меньше всего он ожидал от деда такого подвоха. Ну конечно! Не удалось заполучить Цинь Сюаньхуэй, неужели у молодого господина из клана Цзинь возникнет дефицит невест? Кругом полно девчонок! Стоит человеку потерять всякий стыд, и он способен на любое мерзкое дело.

Цзинь Шианю даже орать и буянить расхотелось. Он посмотрел на двух несовершеннолетних девиц: лица их пылали багрянцем — судя по всему, старый господин запугал их вусмерть, однако они все еще не смели просто стоять столбом: одна потянулась к чайному столику за

графином, другая обеими руками бережно приподняла блюдо с пирожными. Изначально обе не горели желанием идти сюда, наслушавшись слухов о том, что здешний молодой господин — сущий безумец, но при виде импозантной внешности парня камень с их сердец отлетел, сменившись еще большей порцией девичьего смущения.

Впрочем, они ясно видели, что молодой господин настроен к ним враждебно, поэтому приближаться не смели. Сдавливая в горле всхлипывания, они пролепетали:

— Молодой господин, отведайте сладостей...

Цзинь Шианя эта картина искренне позабавила.

Уж коли собрались стать наложницами, поучились бы хоть кокетству! Что это за пугливые крольчихи с ярко выраженным деревенским акцентом? Посмеявшись про себя пару секунд, он окинул взглядом обеих:

— И как нам втроем развлекаться? Устроим тройничок?

От его усмешки девчонок бросило в жар, они понятия не имели, что такое тройник, залились краской до самых ушей и молчали, потупив взоры.

— Каким же макарон вас сюда продали?

Чуньялань оказалась посмелее, закусила губу и ответила:

— На Хуайхэ разлилась вода, дома нечего было есть. Если бы не продали меня с сестрой, матушка с батюшкой умерли бы с голоду на наших глазах.

— Во сколько обошлась покупка?

Обе переглянулись:

— Старый господин милостив, отдал по двадцать серебряных за каждую.

Цзинь Шиань помнил, что один только костюм, в котором он ходил свататься к Цинь Сюаньхуэй, стоил больше сотни серебряных добряков. Выходит, стоимость одного платья превосходила цену жизней двух невинных девушек, обреченных на рабство.

В груди неприятно защемило. Он продолжил расспросы:

— Сколько вам лет в этом году? Двадцать есть?

Чуньсин ответила:

— Весной исполнится семнадцать.

Чуньлань добавила:

— А я на год старше, скоро восемнадцать.

— ...

Вот чёрт! В этом проклятом старом обществе девчонок со школьной скамьи отдавали в наложницы — где же человеческая совесть?! И пусть в двадцать первом веке ранняя любовь тоже не редкость, но здесь ситуация выглядела откровенно грабительской!

Слишком много потрясений на один вечер, молодому господину Цзиню требовалось переварить это.

Не дождавшись ответа и не зная, что предпринять, обе девушки переглянулись и, скрывая слезы, принялись расстегивать пуговицы на одежде.

Цзинь Шианя едва не хватил кондратий:

— Эй-эй! Вы чего удумали?! Не надо! Я с несовершеннолетними дел не имею! Ложитесь-ка спать на кровать, а я устроюсь на диване, идет?

Не будь они такими сопливыми девчонками, президент Цзинь церемониться бы не стал!

Его слова напугали Чуньлань и Чуньсин до слез. Забыв о расстегнутых воротниках, они тут же рухнули на колени и принялись бить поклоны:

— Помилуйте, молодой господин! Старый господин приказал: если за три месяца мы не понесём, он убьет нас обеих! — Чуньлань подняла заплаканное лицо. — Мы знаем, что недостойны молодого господина, молим лишь об одном — оставьте нам жизнь, а дальше мы хоть с закрытыми глазами стерпим...

Цзинь Шианя разобрал и смех, и грех:

— С закрытыми глазами? Вы что, сами за меня всё делать будете?

Цзинь Чжунмин перешагнул все мыслимые рамки человеческой морали: не забеременеешь — убью. Разве это не верх мерзости? Беременность — не ужин, в котел не бросишь, чтобы сразу

сварилось. До чего же дед бессовестен, раз использует жизни двух девчонок как рычаг давления на него!

Троица замерла в нерешительности: девушки плакали на полу, а мрачный как туча молодой господин сидел в стороне. У него пропало всякое желание заигрывать с девчонками — раз им так нравится стоять на коленях, пусть стоят.

<http://bllate.org/book/19790/1950122>